

Лев Александрович Дмитриев

48-й сборник «Трудов Отдела древнерусской литературы» — юбилейный. Он посвящен семидесятилетию одного из ведущих сотрудников Отдела — доктору филологических наук, члену-корреспонденту Российской АН Льву Александровичу Дмитриеву. Юбиляру, личности юбиляра и его научной и общественной деятельности и посвящена настоящая статья.

Он родился 18 августа 1921 г. в городе Сызрани, куда семья по обстоятельствам времени вынуждена была переехать из Москвы. В том же году его отец, служащий-железнодорожник, возвратился в Москву, где семья жила до 1933 г. В 1933 г. отца Л. А. Дмитриева определили на работу в управление Ленинградской железной дороги, и семья переехала на жительство в Ленинград.

С тех пор Л. А. Дмитриев живет в Ленинграде. Здесь он учился в школе. Отсюда был призван в армию. После войны в Ленинграде, в Ленинградском университете, учился на русском отделении филологического факультета. И вся дальнейшая жизнь Л. А. Дмитриева, вся его научная деятельность связаны с Ленинградом. Родившийся в Сызрани, прошедший детство свое в Москве, Л. А. Дмитриев стал ленинградцем не только по месту жительства во взрослой своей жизни, но и по глубокой внутренней связи с городом, с его особенной культурой, с его великой и трудной исторической судьбой.

Исторически значимо и другое обстоятельство биографии Л. А. Дмитриева. Он принадлежал к поколению людей 1921 г. рождения. Это поколение особенной судьбы. Человек рождения 1921 г. — это родившийся в голодном году и еще не раз в своей жизни испытывавший и голод и другие невзгоды. Это человек, закончивший школу в 1939 г. и сразу же после школы призванный на военную службу. Это человек, который в Отечественную войну воевал с самого ее начала и который в очень редких и поистине счастливых случаях остался живым. Все это имеет самое непосредственное отношение к Л. А. Дмитриеву, к его человеческой судьбе.

Окончив школу, Л. А. Дмитриев не сразу был призван в армию. Он успел поступить на филологический факультет Ленинградского университета и целых два месяца там проучился. В ноябре 1939 г. его призвали. И сразу же он попал в тяжелые передряды, когда испытывалось мужество и закалялась воля, когда человек оказывался в критической, пограничной ситуации — на грани жизни и смерти. Осенью 1939 г. началась война с Финляндией. Бесчестная для зачинщиков, стоявших у власти, она не была таковой для рядовых ее участников. Солдаты выполняли свой воинский долг, и для них война была прежде всего великим и трагическим испытанием. Лев Александрович в этой войне был солдатом. Он служил в зенитной артиллерии на Карельском перешейке. А когда началась Великая Отече-

ственная, местом его службы стал Ленинград. Он был воином Ленинграда и во все месяцы блокады города находился там.

Когда мы встретились со Львом Александровичем в стенах Ленинградского университета уже после войны, едва ли не в первые дни после нашего знакомства он дал мне почитать свой блокадный дневник. Я сам участник войны, человек того же поколения, что и Л. А. Дмитриев, но как дотоле, незнаемое и велико-страшное потрясло меня записанное в дневнике. Все в нем было сказано просто и эпически-спокойно, но тем более сильное впечатление производили дневниковые записи, тем живее было ощущение трагедии и безмерного человеческого подвига. Подвига, в котором участие принимал и наш юбиляр.

Его военный опыт, воинский труд и долгое подвижничество не могли не наложить печать на его личность. Он многое увидел и узнал, он только чудом остался живым — и он мог открыто смотреть в глаза людям. Как и другие люди его поколения, он был лишен юности и молодых радостей — тем сильнее было его желание после войны восполнить потерянное, жить в полную меру, познавать в полную меру, не оглядываясь по сторонам, не позволяя себе длительных передышек, стремиться вперед в жизни, в знании.

Закаленный в испытаниях, обретший в испытаниях силу духа и устойчивость в своем понимании того, что есть ложь и что такое правда, Л. А. Дмитриев в своем жизненном поведении выказывает себя воистину человеком чести и достоинства. Человек что называется тихий, он никогда не «возникает» без нужды. Он человек более внутреннего, чем внешнего голоса, и скромность его — не показное, а органическое достоинство. Но когда он видит и чувствует неправду, несправедливость, когда на его глазах обижают человека, молчаливость и тихость его покидают. Тогда он повышается голос. Тогда он становится непримиримым, становится борцом. И так с ним происходит не только потому, что он хороший и справедливый человек и сын хороших родителей, но и потому, что, раз обретенное, его никогда не покидает чувство солдата, воина, честного мужа.

О его родителях хочется сказать особо. Это имеет и прямое отношение к характеристике Льва Александровича Дмитриева, а я к тому же хорошо знал его родителей и любил их. Рассказывая с любовью о Льве Александровиче, я не могу забыть и помню другую свою любовь, к тем, без кого не было бы Льва Александровича, — к его матери Елизавете Константиновне и к его отцу Александру Андреевичу. Замечательные это были люди! Незаметные для чужих, незначительные — и великие. Честные во всех делах и помыслах своих, справедливые, добрые.

Александр Андреевич был по профессии инженером-путейцем. Путеец к нему больше подходит, чем железнодорожник. Именно это слово более всего выражает его суть и его стиль. Крупный, сильный, немногословный, твердый и уверенный в своих знаниях и умениях.

Он был надежным инженером и надежным отцом семейства. Но его инженерные пристрастия и влечения не были исключительными и единственными. В этом образцовом инженере (для меня он навсегда остался именно образцовым инженером) таилась накрепко прикрытая и вечно живая, ярко эмоциональная, глубоко лирическая натура. В молодости он собирался стать артистом, одновременно с техническим училищем он окончил московскую филармонию и был принят в театр Корша, на сцене которого некоторое время успешно играл. Однако жизненные обстоятельства сложились так, что он вынужден был отказаться от театрального поприща и целиком посвятить себя инженерно-строительному делу. Но эстетическая, лирическая жилка в нем не пропала. Она сохранилась. Сохранилась в любви к искусству,

к поэзии. Он собирал портреты великих русских поэтов — редкие портреты. Один такой редкий и прекрасный портрет Тютчева Александр Андреевич подарил мне после моей защиты. Дорогой, бесконечно дорогой для меня подарок!

Мать Л. А. Дмитриева, Елизавета Константиновна, была худенькой, маленькой, сплошь седою, а глаза у нее были большие, огромные, ясно-голубые. В ту пору, когда я ее узнал, она нигде не работала, не служила. Она была главной в семье. Такая у нее была должность. Она соединяла семью воедино.

Наседка, дух семьи, ее сердце и ее душа — вот чем была Елизавета Константиновна. В ней было так много женственности и чистоты и неизбежной ласки. Они были в ее лице, в ее манерах, в ее поведении. У меня не было сомнения, что она всех любила. И не только близких. И оставила это великое умение своим дочерям — Ирине Александровне и Татьяне Александровне.

Считается, что личность и характер человека во многом определяется его «детской»: детскими и, главное, семейными впечатлениями, семейными отношениями, детским семейным окружением. Там именно заключены психологические и нравственные истоки и начала создающейся личности. Счастьем для Льва Александровича является то, что он вышел и возрос из добрых семейных корней.

Отец, мать, сестры, братья — все вместе составляли прочную общность, добрый семейный круг, который давал ощущение прочной и твердой основы жизни. Это помогает жить и это помогает стать человеком. Здоровые семейные истоки, семейные корни, добрые семейные плоды — вот что всегда мне приходит на ум, когда я думаю о Льве Александровиче, о его общественной и нравственной позиции, о его мужественной твердости во всех трудных обстоятельствах нашего времени.

Ученая деятельность Л. А. Дмитриева неотделима, в моих глазах, от особенностей его личности. Он не случайный ученый, а ученый по внутреннему призванию, по складу характера, по темпераменту. Кажется, что с ранних своих дней и лет он предназначен был стать ученым. И если судьба совершила такое диво и оставила его живым в военном лихолетье, то это главным образом для того, чтобы он сбылся как ученый.

Я был свидетелем его первых научных студий и трудов. Учась в университете, Л. А. Дмитриев уже на втором курсе начал заниматься в семинаре по древнерусской литературе, которым руководил Михаил Осипович Скрипиль. Древнерусской литературе он остался верным до конца. Его не шатало из стороны в сторону от одного увлечения к другому, как это часто бывает со студентами, и не обязательно плохими. Он не разбрасывался в своих научных интересах. В этом уже с самого начала проявилась одна из самых и самых достойных черт Л. А. Дмитриева — его целеустремленность и еще более того — верность. И в своих научных делах, и в отношениях с людьми Лев Александрович всегда верен, всегда надежен, он не способен изменить. Это такая редкая, такая прекрасная и человеческая черта в нем.

Став студентом третьего курса, Л. А. Дмитриев принимает участие в первой в своей жизни археографической экспедиции. Инициатор и организатор экспедиции — М. О. Скрипиль. Активно поддерживал экспедицию, давал советы и принимал всяческое в ней человеческое участие Владимир Иванович Малышев. С того времени и началась добрая и крепкая дружба, которая связывала В. И. Малышева с Л. А. Дмитриевым.

Экспедиция была на Север, в Заонежье, и продолжалась более месяца. Всего участников экспедиции было двое — Л. А. Дмитриев и автор этих

строк. Уже после окончания нашей поездки в Заонежье в одной из главных ленинградских газет молодой журналист опубликовал статью о том, как два «ленинградских ученых» отправились на Север в поисках «Слова о полку Игореве», как они, стоя на палубе парохода, рассматривали внимательно и со знанием дела карту Заонежского района, как в деревнях им навстречу выходили «бодрыми походками» восьмидесятилетние старцы, и т. д., и т. п.

Мы с большим интересом читали эту статью, тем более с интересом, что из нее узнали то, чего на самом деле не было. «Слова о полку Игореве» мы не искали, никакой карты у нас не было, да и никакими учеными мы не были тогда, но то, что мы видели, и то, что узнали во время экспедиции, было куда более интересным и увлекательным, чем то невероятное и немыслимое, что было написано о нас в газете. Мы познакомились во время экспедиции с миром старообрядчества, со старообрядческой культурой, со старинными рукописями, которые хранились у старообрядцев и за которыми мы, собственно, и ездили. Бесконечно интересны были и сами старообрядцы, могучие старцы, начетчики, умельцы, чуть-чуть подозрительные в отношении к нам, но только вначале, а потом все более и более доверчивые, учившие нас толкованиям святых текстов. Необычные, удивительные это были люди.

Но не менее, чем люди, интересовали Л. А. Дмитриева рукописные и первопечатные книги, которые хранились у старообрядцев. Лев Александрович тогда уже — а может быть, и много раньше — был книжным человеком в высоком смысле этого слова. Он имел и навсегда сохранил живой интерес к той области знания, о которой В. В. Розанов писал: чего народ не вправе не иметь — «это превосходной библиографии, в смысле знания и интереса к старинным книгам, к старинным рукописям...» (В. В. Розанов. К всеобщему успокоению нервов).

Было наглядно видно, как Л. А. Дмитриев любил книги, ощущая их как нечто живое, трепетное — живую и трепетную мысль, живую красоту. Он с радостью держал книги в руках, ощупывал их, перелистывал. В этом было что-то профессиональное. Недаром его родственник, муж его тети, известный ленинградский актер М. А. Ростовцев, еще в то время, когда Л. А. Дмитриев был школьником, доверил ему разборку и каталогизацию своей библиотеки, включавший в свой состав почти полный комплект книг издательства «Academia».

В экспедиции, в гостях у старообрядцев, Л. А. Дмитриев полюбил другого рода книгу — духовную, старинную, рукописную. Мы покупали эти книги на деньги Карело-Финского филиала Академии наук и передавали ему (сейчас они в собрании рукописей Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ Российской АН). Но несколько печатных книг Л. А. Дмитриев на собственные скудные студенческие деньги купил для себя. Отобрал их не как любитель только, но и как ценитель.

После первой поездки за древними рукописями (в 1948 г.) Л. А. Дмитриев участвовал вскоре во второй и третьей. В поисках рукописей он ездил не только в Заонежье, но и на Белое море. В последней экспедиции он был вместе с Александром Ильичем Копаневым, тогда заведовавшим рукописным отделом Библиотеки АН СССР. За время экспедиции у Л. А. Дмитриева с А. И. Копаневым установились теплые дружеские отношения, которые продолжались и далее. Это весьма показательный факт. Экспедиции, общие научные изыскания сближали Л. А. Дмитриева с людьми, делали его личностный человеческий мир все более заполненным. Наука была для Дмитриева всегда дорогой к человеческому.

Добытые в экспедициях материалы, а также полученные из других источников рукописные книги Л. А. Дмитриев изучал и описывал. Это было правилом для него. Одна из первых его научных работ имела такое название: «Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской СССР» (Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3).

Л. А. Дмитриев — ученый, которого характеризует не только множество научных интересов, но и заметная их собирательность, концентрация их вокруг ключевых, ведущих и сквозных тем. Одна из таких главных и сквозных тем его научного творчества — «Слово о полку Игореве». Этой темой Л. А. Дмитриев занимался в начале 1950-х гг., когда был аспирантом и младшим научным сотрудником Института русской литературы АН СССР, он продолжает заниматься ею и по сей день.

Обращение к «Слову» связано у Л. А. Дмитриева с общим подъемом интереса к теме в 1950 г., когда праздновалось столетие первого издания памятника. В 1951 г. Л. А. Дмитриев публикует две информационного характера заметки о юбилее. В том же году он становится участником студенческого семинара по «Слову», объявленного на филологическом факультете Ленинградского университета знатоком «Слова», прекрасным ученым и человеком Игорем Петровичем Ереминым.

Это был совсем не обычный, в некотором роде уникальный семинар. В него записались всего три человека: Л. А. Дмитриев, С. В. Владимиров и Е. А. Маймин. Все трое уже не были студентами. И. П. Еремин знал об этом, и его это несколько не смущало. «Я вполне удовлетворен составом семинара и количеством его участников, — говорил он. — Меня это устраивает».

Это были замечательные занятия. Не занятия даже, а беседы и собеседования. Живые, увлекательные. Мы медленно, останавливаясь чуть ли не на каждом слове текста и на каждом возникавшем вопросе, читали «Слово» и попутно знакомились с различными его учеными толкованиями, высказывали суждения, а иногда и спорили и занимались совместным переводом памятника. Я до сих пор радуюсь, что был участником этого семинара. Лев Александрович тоже радуется. Но для него этот семинар не только радость, но и серьезная школа, и в его научной деятельности семинар И. П. Еремина имел продолжение. От него идет его устойчивый интерес к «Слову», его многообразная и полезная деятельность в области изучения одного из самых замечательных памятников древнерусской литературы.

Уже в 1952 г. в издательстве «Советский писатель», в серии «Библиотека поэта», выходит первая его капитальная работа, непосредственно связанная со «Словом». Это скрупулезно подготовленное им издание текста «Слова», которое сопровождается его статьей, написанной совместно с В. Л. Виноградовой, его подробными комментариями к тексту, отобранными им переводами памятника. И ведь это все в самом начале его научной деятельности. Л. А. Дмитриев свой путь ученого начинает крупно, весомо, он сразу же заявляет о себе как серьезный и глубокий ученый-исследователь.

В чем наиважнейшие достоинства издания «Слова» 1952 г.? Прежде всего это обстоятельный и научно-содержательный комментарий к тексту. В комментарии учтены и ранее, другими учеными-комментаторами открытые факты, и открытия самых последних лет, и результаты собственных исследований. Комментарий был высоко оценен в научном мире. В позднейшем по времени письме к Л. А. Дмитриеву видный специалист по «Слову» профессор Женевского университета А. В. Соловьев писал: «Я очень ценю Ваш комментарий к „Слову“ в издании „Библиотека поэта“ 1952 года. Оно у меня всегда под рукой».

В комментариях издания 1952 г. особенно видны результаты студий семинара И. П. Еремина. В комментариях есть прямые ссылки на Еремина; еще важнее, что воздействие семинара, его духа и направления сказываются и в собственных разысканиях и открытиях Л. А. Дмитриева. Л. А. Дмитриев и в этом и в других подобных случаях потому и высказывает себя серьезным ученым, что он всегда был пытливым и талантливым учеником.

Достоинством подготовленного Л. А. Дмитриевым издания 1952 г. было и то, что помимо известных переводов «Слова» и переводов «Плача Ярославны» в книгу были включены поэтические вариации на темы «Слова», принадлежащие Радищеву, Грибоедову, А. Н. Островскому, Бунину, Малышко, А. Прокофьеву и т. д. Это было очевидной и полезной новацией. До этого вариации на тему «Слова» в изданиях памятника не печатались, во всяком случае в таком внушительном объеме. Зато в последующих изданиях «Слова», подготовленных разными учеными, стали печататься. Издание 1952 г., таким образом, положило начало важной традиции.

В 1955 г. выходит из печати собранная Л. А. Дмитриевым библиография работ по «Слову», опубликованных в нашей стране в 1938—1954 гг. Это существенно важная работа. Библиография Л. А. Дмитриева аннотированная, и, хотя в ней есть некоторые пропуски, она достаточно обстоятельна.

Безусловно научно ценными являются работы Л. А. Дмитриева, в которых рассматриваются история находки рукописи «Слова», история его первого издания. Среди работ на эту тему выделяется монография 1960 г. «История первого издания „Слова о полку Игореве“». Это труд капитальный и единственный в своем роде. В нем собраны сведения о всех сохранившихся экземплярах первого издания «Слова», воссоздана и описана история печатания этого памятника.

В монографии опубликованы и исследованы также материалы по «Слову», заключенные в бумагах А. Ф. Малиновского и Екатерины II. Это позволило прояснить ряд фактов и обстоятельств работы А. Ф. Малиновского над текстом «Слова». Здесь же напечатаны тексты переводов «Слова» из архивов князей Белосельских-Белозерских и Воронцова и изучено их отношение к ранним переводам «Слова». Важным достоинством монографии является и то, что в ней опубликовано научно подготовленное и наиболее основательное критическое издание текста «Слова» с приведением вариантов по Екатерининской копии, по бумагам Малиновского и выпискам Карамзина.

Монография Л. А. Дмитриева об истории первого издания «Слова» получила заслуженное признание в научных кругах. Было немало положительных рецензий в печати, были признательные письма к автору виднейших ученых-словесников, в том числе и из-за рубежа. Так, Р. О. Якобсон в 1961 г. писал Л. А. Дмитриеву: «Я прочел ее (работу. — Е. М.) с живейшим интересом и широко ее использую в подготавливаемом нами критическом издании „Слова“ с обширными комментариями». Упомянутый уже ученый из Женевы А. В. Соловьев писал Л. А. Дмитриеву: «Книга прекрасная и является исчерпывающим изложением темы; я удивляюсь энергии, с которой Вы собрали данные о всех экземплярах „Слова“, во всех столичных и провинциальных библиотеках. Фотографические снимки прекрасны и будут очень полезны. Историю переводов и изучения „Слова“ в XVIII веке Вы изложили прекрасно». Столь же положителен отзыв специалиста по «Слову» из Болгарии Н. Дылевского. В феврале 1961 г. он писал Л. А. Дмитриеву: «Это большой и с чрезвычайным старанием, умением подлинного специалиста и с широкой эрудицией написанный труд, который навечно войдет в золотой фонд исследовательской литературы о „Слове о полку Игореве“». Монография Л. А. Дмитриева получила

положительный отзыв также от таких известных отечественных ученых, как академик Н. К. Гудзий, А. А. Зимин и др.

Вопросы, связанные с историей печатного текста «Слова», трактуются Л. А. Дмитриевым не только в его монографии 1960 г. В своей научной деятельности он идет и вширь, и вглубь. Избранные им темы в ходе его исследований рассматриваются под разными углами зрения, находят и новые подходы и новые решения. Это относится и к истории печатного текста «Слова». Глубоко раскрыв тему в работе 1960 г., Л. А. Дмитриев снова и снова — и каждый раз по-новому — обращается к ней в статьях «История открытия рукописи „Слова о полку Игореве“» (1962), «Стосемидесятипятiletие первого издания „Слова о полку Игореве“» (1975), «175-летие первого издания „Слова о полку Игореве“ (Некоторые итоги и задачи изучения «Слова»)» (ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31) и т. д.

Работы Л. А. Дмитриева о «Слове о полку Игореве», как и его исследования на другие темы, не поражают нарочитыми эффектами, всякого рода сенсациями. Л. А. Дмитриев всегда осторожен — и совсем не потому, что ему недостает научной смелости и дерзости, а потому, что в нем более всего другого говорит чувство ответственности. Его работы спокойны в течении авторской мысли, они более всего основательны. В них привлекает неспешность размышлений и внутреннее достоинство. Впрочем, это совсем не отменяет скрытой страстности некоторых из его работ, а иногда, когда это очень нужно, их боевого духа.

В 1960-е гг. московский ученый А. А. Зимин выдвинул гипотезу о позднем происхождении «Слова» и о принадлежности его автору XVIII в. Иоилю. В связи с этим предположением, которое обосновывалось в неизданной книге А. А. Зимина, разгорелась жаркая дискуссия. Самое активное участие в ней принял Л. А. Дмитриев.

Он был хорошо знаком с А. А. Зиминим, относился к нему с уважением и приязнью, но это не повлияло и не могло повлиять, по свойству его характера, на его позицию в споре. Он решительно выступил против Зимина: не против Зимина-человека, а против его точки зрения, с которой он как ученый не может согласиться. В статье «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“ как показатели по истории текста этих произведений», написанной в 1966 г., Л. А. Дмитриев доказывает первичность полных списков «Задонщины» по сравнению с кратким Кирилло-Белозерским списком. В дискуссии с А. А. Зиминим это имеет ключевое значение. Теория А. А. Зимина как решающий аргумент позднего происхождения «Слова» использовала тезис о первичности Кирилло-Белозерского списка «Задонщины». Глубоко исследуя соответствующие тексты, Л. А. Дмитриев опровергает этот тезис и тем самым содействует опровержению всей теории А. А. Зимина.

В том же направлении написана — совместно с Р. П. Дмитриевой и О. В. Твороговым — работа 1967 г. «По поводу статьи А. А. Зимина „Спорные вопросы текстологии «Задонщины»“».

Решительным характером, боевым духом отличаются статьи и заметки Л. А. Дмитриева, посвященные проблеме авторства «Слова». В последние годы и десятилетия в научной литературе о «Слове» появился ряд работ, как профессионального, так и любительского характера, в которых предлагаются различные гипотезы относительно возможного автора «Слова о полку Игореве». Такие гипотезы высказаны были В. Чивилихиным, В. Медведевым, Л. Е. Махновцом и др. Искать и открывать автора великого творения древнерусской литературы, о котором дотоле никто не ведал и не догадывался, становится делом все более заманчивым и даже модным. Л. А. Дмитриев выступает против модных увлечений, он и в этом стоит

за осторожность и основательность, за тщательность изучения, за доказательства, которые основываются не на одном или нескольких, а на всей совокупности фактов, учитывающих многие стороны художественного творчества: исторические, конкретно-фактологические, стилистические и т. д.

Работы Л. А. Дмитриева об авторе «Слова», остро полемические по характеру, печатались в «Трудах Отдела древнерусской литературы» в 1985 г., в журнале «Русская литература» в 1986 г., в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» в 1987 г. Эти работы помимо конкретных критических замечаний в адрес различных авторов и их статей содержали и важные теоретические и методологические выводы. Л. А. Дмитриев отвергает путь домысливания и более или менее вольного угадывания, он против обращения к реальным историческим именам XII в. как к возможным авторам «Слова» единственно на основании тех или иных частных и случайных фактов их биографий. Он не закрывает вопроса об авторстве в его глубоком значении, но в то же время считает, что поиски конкретного автора «Слова», в силу отсутствия необходимого материала, в настоящее время бесперспективны.

Эта мысль последовательно проводится Л. А. Дмитриевым в его последней работе «Мог ли Владимир Ярославич Галицкий быть автором „Слова о полку Игореве“?» Работа опубликована в 1991 г. в журнале «Русская литература» (№ 1). Она содержит в себе как общую постановку вопроса об авторе «Слова», так и конкретную полемику с украинским ученым Л. Е. Махновцом.

Значительное место в своем научном творчестве Л. А. Дмитриев уделял истории поэтических переводов «Слова». Этой проблеме посвящены его статьи в изданиях «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1967 и 1985 гг., его статья (совместно с А. И. Михайловым) в журнале «Русская литература» (1985. № 3). Л. А. Дмитриев не только публиковал и комментировал все новые переводы «Слова», но и отыскивал поэтические реминисценции на образы и сюжетные мотивы «Слова». В области реминисценций Л. А. Дмитриев сделал особенно много, в частности много подлинных открытий.

Он выступил и как один из переводчиков «Слова». В изданиях «Слова» 1985 и 1988 гг. им опубликован собственный прозаический перевод памятника. Этот перевод был плодом многолетней работы. Начало работы восходит к 50-м гг., ко времени участия в семинаре И. П. Еремина. Там были истоки, возник интерес, выработаны необходимые навыки. Но раз начатого Л. А. Дмитриев никогда не бросал. Его всегдашняя целеустремленность во всех серьезных делах проявилась и в деле перевода.

Перевод «Слова» именно прозой для Л. А. Дмитриева тоже не случаен. Это от школы, которую он прошел у И. П. Еремина, и это результат его научной убежденности. Он убежден, что и в оригинале «Слово» написано не стихами, а прозой. В этом он продолжал и ученик не только И. П. Еремина, но и А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, которым, кстати, принадлежат прекрасные образцы прозаического перевода «Слова о полку Игореве».

Л. А. Дмитриевым написан и ряд статей, содержащих частные изыскания на тему «Слова»: о названии реки Каялы, о речении «коли соколь въ мытехъ бываетъ», о реминисценции из «Слова» в «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» и др.

Некоторые его статьи частного характера имеют полемическую направленность. Критическими рецензиями Л. А. Дмитриев откликнулся на книгу А. Югова (1975), на книгу О. Сулейменова (1976), на статью А. Никитина (1985). Он полемизировал с Л. Н. Гумилевым, который настаивал на том,

что «Слово» написано не в XII, а в XIII в. Он участвовал в «Круглом столе», организованном «Литературной газетой» в 1984 г. («Споры у подножия великого памятника») и посвященном непрофессиональным и легковесным суждениям о «Слове». Статьи Л. А. Дмитриева полемической направленности — и названные, и неназванные — не имеют узко-академического характера. Они пронизаны общественным и нравственным пафосом, они всегда прежде всего в защиту культуры, они всегда отстаивают высокое достоинство культуры.

К статьям общекультурного значения относятся и многочисленные статьи Л. А. Дмитриева, помогающие сохранить истинные культурные ценности не в споре, не в полемике, а в прямом их утверждении. Я имею в виду его статьи-портреты выдающихся исследователей «Слова о полку Игореве» и других замечательных ученых. Он пишет о Варваре Павловне Адриановой-Перетц (1974), о Владимире Николаевиче Перетце (1976), о Николае Каллиниковиче Гудзии (1976 и 1990), о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве (1985, 1986) и др. Посвященные большим ученым статьи Л. А. Дмитриева помогают сохранить историческую и культурную память, память о замечательных людях и важных культурных свершениях и о том не в последнюю очередь, что есть настоящая наука.

Эти очерки-портреты, посвященные ученым, сам Л. А. Дмитриев очень ценит, очень ими дорожит. И это понятно, он имеет на это и основание и право. Очень важно, что большинство ученых, о которых Л. А. Дмитриев писал, он знал лично. Со многими его связывали отношения учителя — ученика, отношения добрые, дружеские, человеческие. Отсюда лиризм его статей-портретов, их хорошо ощутимая внутренняя теплота, сообщающая статьям особенную доверительность и правдивость. Статьи эти имеют не только историко-культурное, но и литературное, поэтическое достоинство. Культурная память — начало созидающее, и она, чтобы оставаться подлинной и доброй памятью, должна быть и теплой, и лирической, и человеческой.

«Слово о полку Игореве» — одна из основных и ведущих, но не единственная тема научных изысканий Л. А. Дмитриева. Важное место в его работах занимают вопросы, связанные с «Мамаевым побоищем», вообще с памятниками словесности Куликовского цикла.

Именно с этой темы по существу у Л. А. Дмитриева началось тесное и глубокое общение с древнерусской литературой. Еще в студенческие годы в семинаре М. О. Скрипила он писал работу о «Сказании о Мамаевом побоище». В 1953 г. в Институте русской литературы он защищал кандидатскую диссертацию по той же проблеме. Этой темой он занимался и позднее.

К чему конкретно сводились вопросы, занимавшие Л. А. Дмитриева в связи с Куликовским циклом? Прежде всего это были вопросы текстологические. Изучение большого (практически исчерпывающего) числа списков «Сказания о Мамаевом побоище» дало возможность уточнить деление дошедших списков на редакции, установить характер взаимоотношения редакций и воссоздать первоначальную основную редакцию. Текстологическое изучение памятника стало основой для его всестороннего исследования. Такое исследование нашло отражение не только в диссертационной работе Л. А. Дмитриева, но и в издании, которое имело широкое распространение. Это была книга, которая вышла в серии «Литературные памятники», — «Повести о Куликовской битве» (1959).

Книгу готовили наряду с Л. А. Дмитриевым академик М. Н. Тихомиров и профессор В. Ф. Ржига. Участие в издании рядом с такими выдающимися учеными явилось свидетельством высокого авторитета, которым к тому

времени уже пользовался Л. А. Дмитриев. А ведь это было еще в самом начале его научного, творческого пути.

Книга «Повести о Куликовской битве» явилась важным событием в науке. Это первая книга, в которой собраны и опубликованы все тексты памятников Куликовского цикла. Она до сих пор остается главным источником для изучения древнерусских литературных текстов о Куликовской битве.

После издания книги в серии «Литературных памятников» Л. А. Дмитриев и далее продолжал работу над этой темой. Несколько работ он посвятил изучению лицевых рукописей «Сказания», истории его иллюстрирования в связи с историей текстов памятника. К 600-летию Куликовской битвы он заново рассмотрел историю создания Куликовского цикла, совместно с О. П. Лихачевой проделал большую текстовую и комментаторскую работу, что нашло отражение в новом капитальном издании в серии «Литературных памятников» — «Сказания и повести о Куликовской битве» (1982).

Кроме того, Л. А. Дмитриевым были изданы и научно-популярные и художественные книги повестей Куликовского цикла: «На поле Куликовом. Сказания о битве на Дону». Вступ. статья Д. С. Лихачева. Сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. Л. А. Дмитриева. Пер. Л. А. Дмитриева и В. В. Колесова (1980); «На поле Куликовом. Рассказы русских летописей и воинские повести XII—XV веков» (1980); «Задонщина». Иллюстрация худ. Ильи Глазунова (1981) и др. Л. А. Дмитриев и в этом, и во многих других случаях выступает не только как ученый и исследователь, но и как популяризатор и просветитель.

Рассмотрение и исследование Л. А. Дмитриевым важных тем истории древнерусской литературы происходило параллельно и взаимосвязанно. В его работах решаются и частные и общие проблемы. Картина развития древнерусской литературы выявляется в его исследованиях с возможным полнотой, целостно. Это немалое достоинство и научных работ Л. А. Дмитриева, и всей его научной деятельности.

В 1958 г. вышла книга Л. А. Дмитриева «Повести о житии Михаила Клопского». Эта книга открыла еще одну, новую тематическую линию в деятельности ученого. Линию, связанную с житийным жанром и его героями. Когда-то этой темой живо интересовался и исследовал ее В. О. Ключевский. Потом, в советское время, изучение темы было практически закрыто. Л. А. Дмитриев одним из первых к этой теме вернулся — и сделал это задолго до политических перемен в стране. Посвятить свой труд религиозному жанру в 50-е гг. — это и шаг вперед в собственном научном развитии, и не менее того — знак гражданского и человеческого мужества и истинной преданности науке и русской культуре.

Михаил Клопский, которым научно заинтересовался Л. А. Дмитриев, был известный русский юродивый и общественный, религиозный деятель. По линии матери он был племянником Дмитрия Донского. Тут легко обнаружить некую связь. Первые работы Л. А. Дмитриева — о Куликовской битве и, значит, о Дмитрии Донском. Проходит время, и он обращается к племяннику Донского Клопскому. В своем научном развитии Л. А. Дмитриев идет вперед и по кругу. Он изучает факты древнерусской литературы и в отдельности и в их переплетении.

Михаил Клопский жил и действовал в Клопском монастыре под Новгородом во второй половине XV в. Это было время борьбы Москвы с Новгородом. И роль Клопского монастыря в этой борьбе, и роль юродивого Михаила Клопского в этих событиях давно привлекали к себе внимание историков (в частности, Ключевского), так же как созданное после смерти

Михаила Клопского Житие о нем привлекало и историков и литературоведов. А. С. Орлов чрезвычайно высоко ценил «Житие Михаила Клопского» особенно за его язык и называл его «памятником живого языка».

Л. А. Дмитриев создал первую истинную монографию о Михаиле Клопском. В своей работе он исследовал как житийный памятник о Клопском, так и личность героя. Он уточнил время создания первоначальной редакции «Жития», выяснил соотношение редакций и вариантов, при этом привлек к изучению 68 списков памятника. Он опубликовал в своей книге все редакции памятника и все варианты. Большое место в книге занял анализ литературных особенностей произведения как памятника агиографического жанра, основанного в своем первоначальном виде на устных легендах.

С книги о Михаиле Клопском отмечается в научном творчестве Л. А. Дмитриева глубокий и длительный интерес к житийной литературе. Его крупнейшие работы по этой теме выходят в 70-е гг. В 1972 г. Л. А. Дмитриевым напечатана статья «Жанр севернорусских житий» (ТОДРЛ. Л. Т. 32).

В 1973 г. выходит капитальный труд «Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний». В этой монографии рассмотрены как общие вопросы эволюции житийного жанра, так и вопросы конкретные, связанные с крупнейшими памятниками русской житийной литературы. Автором монографии обследованы все рукописные собрания СССР с целью выявления произведений этого жанра. В результате он получил материалы и возможности для исследования новгородских житийных произведений, посвященных Варлааму Хутынскому, Иоанну Новгородскому, Михаилу Клопскому, а также севернорусских житий Адриана Пошехонского, Иоанна и Логгина Яренгских, Варлаама Керетского, Артемия Веркольского. Все это предметы и имена нужные и исторически важные. Они относятся к той сфере истории, без которой не может быть полного понимания и осознания духовной отечественной культуры.

Итогом занятий житийной литературой явилась докторская диссертация Л. А. Дмитриева «Легендарно-биографические повествования древнего Новгорода». Защита ее, проходившая в Институте русской литературы, была в высшей степени успешной. Голосовали единогласно. Диссертация и защита ее были довольно скоро утверждены ВАКом. Л. А. Дмитриеву была присвоена степень доктора филологических наук. И заслуженно присвоена.

Сейчас стало модно иронизировать над докторскими диссертациями и критиковать докторов. В этом деле многие пишущие книги и статьи изощряются. И иногда не без оснований. Но работа Дмитриева и ее защита не вызывают сомнений и могут служить хорошим контролем. Л. А. Дмитриев доктор в полном смысле этого слова. Он заслужил свою степень еще прежде, чем ее защитил формально. Он принадлежит к числу тех истинных ученых, которые делают науку упорно и исподволь, в постоянных трудах — и их труды не могут не вызывать подлинного уважения.

Этапным событием в деятельности Л. А. Дмитриева — не меньше, чем его докторская диссертация и присуждение степени — явился подготовленный им совместно с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и вышедший еще в 1969 г. «„Изборник“ (Сборник произведений литературы Древней Руси)». В нем собраны были многие значительнейшие произведения древнерусской литературы, он давал цельную картину словесности Древней Руси. «Изборник» имел большое общественное и культурное значение и соответственно — большой успех у читателей. Он исчез с книжных прилавков чуть ли не раньше, чем на них появился. Книга была отлично-хорошая, она

была хорошо задумана и хорошо издана. Все было заботливо и любовно собрано, описано, откомментировано.

То, что над этой книгой Л. А. Дмитриев работал вместе с Д. С. Лихачевым, факт существенный и для Л. А. Дмитриева, и в более широком плане. Книга «Изборник» открывает собой целый ряд изданий, который будет готовиться Д. С. Лихачевым и Л. А. Дмитриевым совместно. Отныне они часто являются перед читателем как соавторы, издатели-единомышленники, как близкие и понимающие друг друга люди.

О сотрудничестве Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева стоит сказать особо. Это отдельная тема в научной биографии Л. А. Дмитриева, и тема важного, ключевого значения. У Льва Александровича было много учителей, и отличных: М. О. Скрипиль, И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц, Б. М. Эйхенбаум, Д. С. Лихачев. Иметь хороших учителей — это удача и счастье. Л. А. Дмитриеву определенно повезло на его научном пути. Но иметь хороших учителей — это немножко и заслуга. Хорошие учителя могут быть только у достойных учеников. И это делается особенно заметным в истории человеческих и научных взаимоотношений Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева.

Дмитрию Сергеевичу Лихачеву Л. А. Дмитриев обязан и в науке и в жизни очень многим. С тех пор, как Д. С. Лихачев возглавил в Институте русской литературы АН СССР древнерусский сектор, он собрал вокруг себя замечательно одаренных людей, основал подлинный центр по изучению древнерусской литературы. Он образовал коллектив по-разному талантливых и по-человечески близких людей. Это его большая и необыкновенная заслуга.

В этом ученом содружестве Л. А. Дмитриев был и остается одним из самых близких Д. С. Лихачеву. Он был способным учеником Дмитрия Сергеевича, а потом сделался его литературным и ученым сотрудником и другом. Он по ученым и человеческим заслугам стал другом. Благодаря своему трудолюбию, надежности и не в последнюю очередь — благодаря честности, твердости, безупречной порядочности.

Выпуская вместе с Д. С. Лихачевым «Изборник» в 1969 г., Л. А. Дмитриев не только занимался подбором и комментированием многих произведений древнерусской литературы, но и их переводами. Переводами он занимался и раньше — мы это знаем: еще раньше он переводил «Слово о полку Игореве». Теперь его переводческая деятельность заметно расширяется. Он становится профессиональным переводчиком, специалистом по переводу. При этом ему помогает делать хорошие переводы не только языковое и литературное умение, но и ученое знание. Он переводит те произведения древнерусской литературы, которые перед тем подверглись его ученому исследованию и изучению. Это и делает его ученым переводчиком в точном значении этих слов.

Среди многочисленных званий Л. А. Дмитриева есть и звание члена Союза писателей. В Союз писателей он принят как автор научно-популярных литературных работ и как переводчик. Среди тех, кто рекомендовал Л. А. Дмитриева в члены Союза писателей, был один из самых талантливых и известных наших переводчиков Н. М. Любимов. Я читал его рекомендацию. Н. М. Любимов высоко оценивает Л. А. Дмитриева как переводчика. Его оценка и похвала многого стоят.

Со временем все шире становится диапазон занятий Л. А. Дмитриева. Он и ученый-исследователь, и переводчик. Он и педагог. Педагогической деятельностью он занимается и непосредственно, читая лекции на филологическом факультете Ленинградского университета, в провинциальных институтах по специальному приглашению, в частности на факультете русского языка и литературы Псковского педагогического института. Пе-

дагогическую направленность имеют и многие его работы. Так, он является одним из авторов учебного пособия по истории древнерусской литературы, вышедшего в издательстве «Просвещение» в 1980 г. под редакцией Д. С. Лихачева. Кроме Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева авторами этого пособия являются такие крупные ученые, как А. М. Панченко, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. В 1985 г. переработанное и дополненное издание этого пособия вышло уже как учебник. В учебнике Л. А. Дмитриевым написаны главы, посвященные литературе второй четверти XIII—первой половины XV вв.

Как прекрасный педагог выказал себя Л. А. Дмитриев и руководя аспирантами. Среди его бывших аспирантов — В. Охотникова, доцент Псковского педагогического института. Знаток псковской средневековой литературы, В. Охотникова стала неременным участником сборников древнерусских памятников, выходивших под редакцией Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. В этих сборниках она выступает и как комментатор, и как переводчик.

Велика научно-общественная организаторская деятельность Л. А. Дмитриева. Он организует Юбилейные чтения по «Слову о полку Игореве», по «Памятникам Куликовского цикла» — в разных городах. Он организатор выездных заседаний Сектора древнерусской литературы, которые имеют большое культурное и просветительское значение. Такие заседания проводились в Петрозаводске, Пскове, Владимире, Нижнем Новгороде, Вологде, Ярославле. В некоторых городах — Ярославле и Пскове например — по несколько раз.

Культурно-просветительская деятельность Л. А. Дмитриева, налаживание им культурных связей выходят за пределы только нашей страны и распространяются на зарубежные страны. Особенно это относится к Болгарии. В Болгарии, куда Л. А. Дмитриев совершал неоднократные поездки, у него много друзей и соратников. В Болгарии печатались его научные работы, со многими болгарскими учеными он находится в деловой и дружеской переписке.

Его литературные и научные связи с Болгарией отразились в нескольких его статьях — в частности, в ценной и оригинальной по идеям статье 1963 г. «Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.)». Митрополит Киприан, родом болгарин, избран был русским митрополитом еще при живом предшественнике, но не был признан Дмитрием Донским. Утвердился он на митрополитстве уже при сыне Дмитрия Василии и митрополитствовал до своей смерти в 1406 г. В советской историографии отношение к Киприану было отрицательным, и, хотя для этого имеются некоторые основания, в целом это несправедливо. В своей статье Л. А. Дмитриев восстанавливает историческую истину.

Прежде всего Л. А. Дмитриев показывает несомненные заслуги Киприана в русской истории и русской культуре. Киприан успешно занимался литературным трудом, ему принадлежит несколько произведений в жанре посланий, им была написана одна из редакций жития митрополита Петра. Последнее — весьма важное дело. Житие Петра считается одним из первых на Руси литературных опытов житийной литературы экспрессивно-эмоционального стиля великотырновской книжной школы.

В своей статье 1963 г. Л. А. Дмитриев основательно и всесторонне рассматривает Житие, уточняет время его написания, характеризует его жанровую природу. Избранную тему Л. А. Дмитриев продолжает и развивает в другой статье, относящейся к 1964 г., — «Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV века» (ТОДРЛ. М.; Л. Т. 20).

Л. А. Дмитриев много сделал в науке. Но среди сделанного им есть одно дело, которое особо выделяется, имеет наиважнейшее значение. Это издание в 12 томах серии «Памятники литературы Древней Руси». Начало выхода книг этой серии относится к 1978 г. В настоящее время издание завершается. Это труд исторического значения.

Он осуществлен целым коллективом талантливых специалистов-древников. Но два человека направляли и объединяли этот коллектив, руководили им. Это Дмитрий Сергеевич Лихачев и Лев Александрович Дмитриев. Есть что-то глубоко значимое и символичное в том, что и здесь, в этом капитальном труде, объединились имена двух близких людей, учителя и ученика, двух соратников в деле служения древнерусской литературе.

12-томные «Памятники литературы Древней Руси» составлены из отдельных книг — и это единая большая книга. Книга-история, книга-собрание, книга-энциклопедия. Это целый мир книжности, государственных и общечеловеческих мыслей, мир художественных образов и незабываемых картин. Это поистине золотая книга.

Почти в каждом томе этой книги есть подготовленные Л. А. Дмитриевым тексты, переводы текстов, комментарии к ним. Некоторые тексты опубликованы им и переведены либо впервые, либо заново, по-новому. Например, «Сказание о Борисе и Глебе», «Киево-Печерский патерик», «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского», «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» и т. д.

Большой труд общественно-исторического значения, готовившийся многие годы, выявил еще одну важную сторону дарования Л. А. Дмитриева. Как и его наставник и друг Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев показал себя как замечательный организатор науки, управитель коллективного книжного дела. Нетрудно представить, каких усилий и умений требовалось редакторам и главным издателям 12-томного собрания. Нужно было отобрать произведения для собрания, выбрать авторов, переводчиков, заняться необходимой и максимально бережной унификацией индивидуальных подходов и стилей. Все это особое и трудное умение, Л. А. Дмитриев показал, что он им хорошо владеет. В «Памятники литературы Древней Руси» им вложен большой труд, связанный с большими затратами энергии, воли, ума, знания и не в последнюю очередь — любви. Без любви к делу, без любви к русской словесности вообще и к древнерусской особенно великое культурное здание не могло быть выстроено, его просто не могло быть.

12-томное собрание древнерусской книжности — это то, чем Л. А. Дмитриев может по праву гордиться. Создание столь значительного труда, самое активное участие в создании уже само по себе, даже если бы Л. А. Дмитриев ничего другого значительного не сделал, обеспечивает ему видное место в науке. И для русской науки, для культуры, для самого юбиляра это важная веха, одна из вершин, истинно большого значения культурное дело.

В известном смысле это дело носит завершающий, итоговый характер. Но вместе с тем оно и открывает новые возможности. Научная деятельность Льва Александровича Дмитриева достигла расцвета, и именно поэтому она еще многое обещает в будущем. Л. А. Дмитриев продолжает трудиться, он не может не трудиться, потому что он истинный ученый, потому что он живой человек, потому что всегда, на всю жизнь дорога ему та область знания, которой он себя посвятил, которой он так всецело, благородно и с достоинством отдает себя.